

Очерки прошлаго¹⁾

Филиповичъ въ послѣдствіи разсудилъ, что 600 р. с., присутствіе нѣсколькихъ сотъ голодныхъ ртовъ, неимѣніе оружія суть плохія ручательства за успѣхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ взятіе Турецкой крѣпости, хотя гарнизонъ ея и былъ незначительный. Абрамовъ былъ посланъ по обоюдному соглашенію съ Максимовичемъ въ Тульчу и долженъ былъ сообщить обо всемъ Лишину; но онъ, конечно, вернулся ни съ чѣмъ. Разсказывалъ онъ ужасы. Филиповичъ обратился къ болгарскимъ комитетамъ въ Румыніи и для успѣха дѣла посвятилъ ихъ въ свои намѣренія. Шумный вѣздъ гурьбы добровольцевъ въ Бѣлградѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Надо предполагать, что комитеты тоже не молчали о своихъ планахъ. Добровольцы разсказывали первому встрѣчному: „вотъ идемъ на Турецкую крѣпость Тульчу“. Слѣдствіемъ всей этой болтовни вышло то, что турецкое правительство удвоило гарнизоны въ Тульчѣ, а по Дунаю стали крейсировать турецкіе мониторы.

Въ Турнъ-Северинѣ мы нашли болгарина, который взялся насъ доставить на лодкѣ въ Кладово. Мы сѣли подальше отъ пристани и имѣли удобство не предъявлять паспортовъ и не подвергаться осмотру багажа.

Максимовичъ былъ очень дѣльный, смышленный офицеръ. Много лѣтъ онъ провелъ на русской службѣ, но остался сербомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. На ту пору это былъ великій недостатокъ, такъ какъ ему было поручено все разу-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

знать и приготовить „для Болгаріи“. Какъ сербъ, онъ не могъ переварить мысли, что столько казаковъ (300) перейдутъ въ Добруджу или другое мѣсто въ Болгаріи и будутъ потеряны для сербскаго дѣла. „Набирать туда добровольцевъ бесполезно: болгары не возстанутъ“, говорилъ онъ, „надо сговориться съ Черняевымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь“. Про добровольцевъ можно было сказать, что они охотнѣе пошли бы къ Черняеву; но были и такіе, которые готовы были идти куда угодно, лишь бы подрались съ туркомъ.

Въ Кладовѣ я узналъ проектъ, такъ сказать, болгарскаго возстанія. Болгары обидѣлись пріемомъ, который имъ сдѣлалъ Кишельскій въ Делиградѣ. Самолюбіе заговорило у вожаковъ болгарскаго народа. „Что это все сербы, ла сербы“, говорили они, „болгаръ всюду суютъ въ опасныя мѣста; мы также имѣемъ право на жизнь“. Предположеній было много. Вотъ одно: если найдутся добровольцы изъ Россіи, то можно будетъ во-первыхъ купить пароходъ для перевозки оружія; во-вторыхъ занять островъ противъ Руцука и поселить нашихъ и болгаръ, въ видѣ рабочихъ. Осмотрѣвши мѣстность, можно войти въ соглашеніе съ заговорщиками на томъ берегу Дуная и т. д. Планъ этотъ былъ не хуже другихъ; главное условіе, конечно, было—сохранить тайну, добыть деньги и оружіе. Болгары рассчитывали на содѣйствіе Евлогія Георгіева и другихъ. „У насъ было оружіе“, говорили мнѣ они, „но гдѣ оно запрятано, мы теперь не знаемъ. Напишите обо всемъ комитету, и пускай онъ это дѣло разсудитъ и поддержитъ насъ“.

Пока обсуждался планъ поголовнаго возстанія въ Болгаріи, партія, бывшая подъ предводительствомъ Филипповича, не захотѣла сидѣть безъ дѣла въ Болгаріи и направилась огульно въ Сербію. Я телеграфировалъ обо всемъ въ комитетъ и просилъ отвѣта. Впослѣдствіи я долженъ былъ убѣдиться, какъ мало успѣха сулила эта болгарская экспедиція. Вспоминаю тѣ соображенія, которыя я высказывалъ въ засѣданіи Совѣта славянскаго общества въ концѣ 1876 года. Что я не ошибся и что это мнѣніе не было придумано *post factum* (т. е. послѣ нашей войны съ турками, доказавшей справедливость моихъ словъ), видно изъ записки, прочитанной въ декабрѣ 1876 г. въ Совѣтѣ.

Сношенія съ славянскимъ комитетомъ были затруднительны: я не получилъ ни одного отвѣта на мои письма и телеграммы. Кромѣ того, надо спросить, на что мы могли рассчитывать въ Болгаріи. Во-первыхъ, на русскихъ добровольцевъ? Русскіе

добровольцы неохотно шли туда; имъ всеѣмъ хотѣлось придти въ Сербію, стать подъ знамена Черняева (даже въ Дринской арміи было мало русскихъ). Самое предпріятіе требовало строгой тайны, а какъ сохранить ее, когда предводитель долженъ былъ посвятить каждаго добровольца въ свои планы, а то ему грозилъ поголовный уходъ добровольцевъ? „Я доброволецъ“, говорили многіе, „хочу останусь, хочу нѣтъ: меня никто не смѣетъ держать“. Что касается оружія, то для болгаръ и русскихъ во всю кампанію не могли отыскать оружія. Оно валялось въ Унгенахъ, было спрятано гдѣ-то, а можетъ быть, оно было миѣническое, неосязаемое простымъ глазомъ. Требовались деньги для обмундировки и провіанта. Все это надо было создать съизнова.

Въ подтвержденіе моей мысли приведу слѣдующее. Вожаки болгарскаго возстанія сидѣли въ Бухарестѣ. Я захотѣлъ узнать, какими нитями они связаны съ своей несчастною родиною, и просилъ ихъ разъяснить мнѣ, на кого въ Болгаріи они рассчитываютъ. „О, у насъ тамъ есть агенты, цѣлая организація“.— Вы сами тамъ были? „Нѣтъ, туда нельзя ѣхать: тамъ турки насъ убьютъ“. „Ну а переодѣться туркомъ?“ „Нѣтъ, нѣтъ это невозможно“. „А какъ же вы могли убѣдиться, что тамъ все готово? Гдѣ же, напримѣръ, вы думаете можно начать?“ продолжалъ я вопрошать. Назвали мнѣ мѣстечко, гдѣ будто зарыто даже оружіе. „Покажите мнѣ на картѣ“. Принесли карту. Они стали искать, долго всматривались и не нашли. Что же это такое?—думалъ я.

Разскажу еще другой случай. Пришли ко мнѣ съ запискою отъ Дандевилія два болгарина Начовичъ ¹⁾ и Цокорный, съ предложеніемъ доставить оружіе черезъ Румынію и Австрію. Они говорили о проектѣ взять Руцукъ на счетъ комитета старыхъ болгаръ, бранили молодыхъ и высказались, что они не желаютъ вмѣшательства сербовъ и хотятъ самостоятельно работать для болгаръ. Я перевелъ разговоръ на вопросъ объ оружіи. Начовичъ, для пользы дѣла, хотѣлъ открыть маленькую лавочку въ Турнъ-Северинѣ, гдѣ будетъ все, что потребуется для Черняева и для болгаръ.—Только для этого требуются издержки на обзаведеніе, какъ онъ выразился, по крайней мѣрѣ 1000 рублей сер. Я спросилъ ихъ самымъ простодушнымъ тономъ: „Вы говорите, что комитетъ вашъ богатъ,

¹⁾ Начовичъ потомъ игралъ видную роль въ болгарскомъ правительствѣ.

что у Евлогія Георгіева 'сотни тысячъ дохода, и если онъ сочувствуетъ этому дѣлу, то неужели вамъ не выдадутъ изъ суммъ комитета или изъ собственнаго кармана"? Мои собесѣдники, должно быть, согласились со мною, и сказали, что они обо всемъ дадутъ мнѣ знать черезъ вѣрное лицо въ Делиградъ. Впослѣдствіи я узналъ, что славянскій комитетъ отправилъ на мое имя 15 т. золотомъ въ Букарестъ въ генеральное консульство. Эта сумма казалась многимъ богатствомъ Перу и Голконды, но я просилъ генеральнаго консула хранить и изъ нея не потратилъ ни копѣйки. Эта сумма хранилась тамъ, кажется, до половины 1878 года. Меня за это обвинили, какъ я слышалъ. Скажу въ оправданіе, что деньги комитета казались мнѣ священными, и экономія не была лишняя. Эта сумма была мала для чего-нибудь болѣе важнаго, а раздать ее по рукамъ прожектерамъ,—ея достало бы на нѣсколько дней. Обвинять меня и утверждать, что эти деньги произвели бы вспышку въ Болгаріи, было бы безразсудно.

Я говорилъ съ Евлогіемъ Георгіевымъ, и онъ насчитывалъ, что болгары выставятъ только до 5 т. человекъ; а если русскіе придутъ большими массами. Излишняя трата денегъ и сотенъ людей для того, чтобы турки вырѣзали остальное населеніе, вотъ что мнѣ представлялось. Я, можетъ быть, ошибся, но я просилъ генеральнаго консула хранить эту сумму, назначенія которой онъ не зналъ.

Вернемся теперь къ нашимъ добровольцамъ въ Кладово. Они тогда были готовы идти куда угодно, только для этого надо было спѣться и дѣйствовать сообща съ планами Черняева.

Въ Кладовѣ я познакомился съ средствами передвиженія Сербіи. Нѣсколько несчастныхъ колъ (телѣгъ) были въ распоряженіи коменданта. Единственный пароходъ „Делиградъ“, говорили, уѣхалъ въ Шабацъ. Нѣсколько дней томительнаго ожиданія очень вредно вліяли на добровольцевъ, которые такъ и рвались въ бой. Многіе даже хотѣли идти пѣшкомъ въ Делиградъ, лишь бы дали имъ проводника. Но комендантъ задержалъ и этотъ порывъ. Отсутствіе телеграфиста отрѣзало насъ отъ всего міра. Я такъ и не дождался „Делиграда“ и сѣлъ на первый австрійскій пароходъ и уѣхалъ въ Бѣлградъ.

Вообще сербскія власти дѣлали все *поляку*, а мы русскіе торопили, тормошили ихъ и они въ глубинѣ души проклинали нашу поспѣшность, наше рвеніе къ чужому дѣлу. Другіе же отъ долгаго ожиданія стали пьянствовать, буянить. Выходили цѣлыя баталіи, но нельзя винить добровольцевъ—много нужно

характера, чтобы въ бездѣйствіи, скукѣ, которая насъ окружала, не свихнуться. Ожиданіе безцѣльное деморализуетъ даже настоящее войско, а тутъ были добровольцы, которые хотѣли скорѣе въ Делиградъ. Дорогою я увидѣлъ и познакомился съ нѣсколькими очень порядочными добровольцами: нѣкто Ушаковъ, который ѣхалъ на свой счетъ и всѣмъ еще помогалъ. Ушакову былъ порученъ цѣлый отрядъ. На бѣдномъ лица не было. Онъ все думалъ, какъ бы не растерять, какъ бы устроить добровольцевъ. Ѣхали еще три помѣщика изъ Саратова на свой собственный счетъ; они помогали другимъ, какъ могли. Былъ еще давнишній мой знакомый Б—ій. Этому человѣку въ жизни не повезло. Онъ воспользовался тѣмъ, что комитеты выдавали деньги, чтобы устроить иначе свою жизнь, выбиться, наконецъ, изъ прежней колеи. Много было людей съ тяжелымъ грустнымъ прошлымъ, которые шли подъ первую пулю. Были и такіе, которые оставили свой домъ, счастье, молодую жену, семью и стремились въ Сербію. „Нельзя газетъ читать: просто такъ я тянетъ туда“, сознавались эти господа. Въ этой толпѣ людей съ разбитымъ сердцемъ и разбитою жизнью, неудачниковъ всякаго рода, встрѣчались люди, шикующіе своимъ отъѣздомъ въ Сербію, готовящіе себѣ пьедесталъ. Эти люди громче всѣхъ кричали, бранили сербовъ, роптали на неудобства, требовали особеннаго вниманія къ себѣ. Вообще это былъ народъ хорошій, теплый, немного безтолковый. Большинство изъ нихъ не знали прошлаго Сербіи, плохо учились географіи, не имѣли понятій о разстояніяхъ. Переѣхавъ на сербскій берегъ, многіе изъ нихъ разошлись по кабакамъ.

Былъ и санитарный отрядъ съ старшимъ докторомъ, двумя другими докторами, сестрами милосердія. Они держались особнякомъ отъ компаніи добровольцевъ. Ушаковъ, Б—скій и нѣсколько другихъ были приглашены къ нимъ выпить чашку чая. Старшій докторъ узналъ о существованіи турецкой крѣпости Ада-Калэ. „Что бы это, господа, вамъ взять турецкую крѣпость“? предложилъ докторъ. „Пока еще дойдете до Делиграда, а мы устроимъ вамъ пріемъ здѣсь хорошій; санитарный отрядъ весь въ сборѣ“. Ушаковъ сказалъ на это: „Да, съ нашими головорѣзами можно пойти. Но надо сначала осмотрѣть крѣпость“.

Нашлись охотники изъ сербовъ, которые хотѣли подвезти насъ къ самой крѣпости, но они потомъ отказались. Комендантъ заявилъ, что это произведетъ осложненіе съ Австріей, и мы только нашли рыбаковъ, которые захотѣли принять насъ въ

свою компанію. Противъ теченія мы шли тихо,—на бечевѣ. Чудная ночь, долго тебя не забуду. Мы скользили по темнымъ водамъ Дуная. Сербы втянули свою заунывную пѣснь о царѣ Лазарѣ, о царицѣ Милицѣ, о братьяхъ Юговитахъ и о Маркѣ Краевичѣ. Тихій всплескъ волны, заунывная пѣснь, все переносило насъ въ далекую родину. И мнѣ представилась картина моего дѣтства. Я фаталистъ. Уже много разъ я бывалъ такъ близко отъ смерти и не умеръ. Если теперь, то значитъ такъ суждено. Я уже говорилъ о случаѣ въ дѣтствѣ съ собакою. Другой разъ мы сошли съ рельсовъ, многихъ разбило, а мы съ двоюроднымъ братомъ остались цѣлы. Путешествуя по Средиземному морю, нашъ пароходъ загорѣлся внутри, кончилось также благополучно. Шлагбаумъ упалъ на коляску, въ которой я заснулъ, и испортилъ весь кузовъ, а у меня только болѣла голова, вѣрно отъ испуга, потому что упали онъ нѣсколько дальше и меня бы не было. Все это я передумалъ въ ту ночь на Дунаѣ... Я ужасно хотѣлъ ѣхать секретаремъ въ Америку, но это не удалось. Да, судьба привела меня теперь къ тихому Дунаю, къ сербамъ. У каждого изъ насъ были свои думы. Сербы перестали пѣть и начали рассказывать, что теперь дѣла идутъ хорошо. „Сербы обколили (окружили) турокъ, Миланъ будетъ королемъ, а Черняевъ княземъ. Черняевъ хорошій юнакъ и добрый человѣкъ“. Когда они стали тянуть неводъ, то Ушаковъ и я запряглись въ бечеву. Сербамъ показалось это очень смѣшно. Тянули, тянули и вытащили отличной рыбы. Стерлядей тутъ было много, и сербы, вернувшись уже ночью въ Кладово, угостили насъ ухой (такой ухи не ѣдятъ, я думаю, и въ Англійскомъ клубѣ). Принесли вина и стали произносить здравіи: за Россію, за царя Александра и пр. Сербы всячески хотѣли намъ угодить, и каждый приносилъ, что у него было лучшаго: кто виноградъ, кто заказывалъ кофею, сластей и все просили побольше ѣсть. А мы отказывались, не имѣя возможности угодить ихъ щедрому гостепріимству.

На другой день я расстался съ Максимовичемъ. Онъ ѣхалъ въ Кишиневъ навстрѣчу Лишину. „Объ одномъ васъ прошу“, обратился онъ ко мнѣ, „держитесь въ сторонѣ отъ этихъ безобразниковъ, долго ли до исторіи? Дѣлу помочь вы не можете, такъ чего же вамъ напрасно лѣзть на неприятность“. Больно было мнѣ слышать изъ устъ серба такую аттестацію нашимъ борцамъ за свободу. Долго ожидали мы парохода; наконецъ рѣшились идти берегомъ Дуная до деревни Такіа и дойти пѣшкомъ до Делиграда. Коль (телѣгъ) не хватило на сестеръ милосердія

и на санитарный отрядъ. Я забылъ рассказать, что между добровольцами былъ какой-то армянинъ. Онъ отрекомендовался членомъ славянскаго благотворительнаго комитета, и это произвело своего рода эффектъ среди сербовъ. Члену дали колу; онъ усѣлся и поѣхалъ. Комендантъ предложилъ и мнѣ колу; но я отказался, сказавъ, что пойду со всѣми пѣшкомъ до Такіэ.

Добровольцы шли цѣлыми партіями и пѣли. Дорога предстояла дальняя; но всѣ глядѣли весело, бодро: кончилось, наконецъ, это сидѣніе безъ дѣла.

Въ виду Турецкой крѣпости стройный хоръ грянулъ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Въ этой пѣснѣ высказывается вся могучая ширь русскаго народа и, въ отвѣтъ на эти замиравшіе въ отдаленіи звуки, раздались салютъ или выстрѣлъ съ турецкой крѣпости. Дружное неумолкаемое „ура“ прозвенѣло въ воздухѣ. Весело было смотрѣть на этихъ людей. Они почували своего врага. Все говорило, что они сдѣлаютъ свое дѣло, съумѣютъ умереть. Да умереть. Допытывалъ я самого себя; но отъ чего они жить не умѣютъ? Такой могучій, сильный народъ, а не живетъ такъ, какъ другіе.

Въ Такіэ насъ приняли очень радушно.

Рыба очень дешева и хороша въ Такіэ. Мы накупили стерлядей и стали варить общую уху. И тутъ сказалось это неумѣніе жить. Распорядитель спрашиваетъ: „господа, довольно ли вина, соли“? Всѣ увѣряютъ, что теперь хорошо. Одному вздумалось въ эту уху налить вдругъ пива. У всѣхъ лица вытянулись, и наше веселое настроеніе отуманилось этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Вечеромъ къ намъ пришли сербы и принесли вина. Пошли тосты, но наша компанія пила умѣренно, и мы поочередно говорили о славянствѣ, о сербахъ. Одинъ сербъ-старецъ все пѣлъ церковныя пѣсни, и мы всякій разъ снимали шапки (мы были въ саду). Потомъ шли лобызанія другъ друга.

Въ это время меня позвали два серба и указали на одного монаха, который сидѣлъ между ними: „то не сербъ и не болгаринъ; это шпионъ“. Стоило мнѣ сказать слово дюжему саратовцу, и отъ монаха остался только бы клубокъ. Я обратился къ монаху и просилъ его поговорить съ нами. По выговору видно было, что онъ не болгаринъ. Сербы заставили его перекреститься. Онъ это исполнилъ нехотя. Я разсудилъ, что если онъ дѣйствительно болгаринъ и хочетъ идти къ Черняеву, то онъ останется между добровольцами, несмотря на то, что сербы

говорили ему: „ты не попъ, ты австріякъ“. Монахъ на другой день рано утромъ на лодкѣ переправился на австрійскую сторону.

Вечеръ не кончился безъ приключеній. Я уже хотѣлъ раздѣваться, какъ одинъ изъ товарищей саратовца вбѣгаетъ ко мнѣ: „спасайте его, его убьютъ“. Внизу слышенъ былъ гамъ. Первое, что меня поразило, это лужа крови на полу, и нашъ саратовецъ (а онъ дланью могъ убить быка) стоялъ въ позѣ гладіатора и вызывалъ на бой. Оказалось, что когда они подкутили, то затагнули „Боже Царя храни“. Между добровольцами были такіе, которые не сняли шапокъ. Саратовецъ сбилъ съ головы шапку. Ихъ постарались помирить, но тотъ нечаянно или нарочно выплеснулъ саратовцу вино въ лицо. Крѣпкое слово и взмахъ могучей руки, и у того вмѣсто лица оказалось какое-то красное пятно. Началась свалка, но борьба кончилась за неимѣніемъ противоборцевъ: саратовецъ всѣхъ сокрушилъ и стоялъ теперь смущенный передъ разбитою посудой. Хозяинъ вопилъ, что все у него расколотили, и требовалъ денегъ. „Уведите его скорѣе на верхъ“, шептали мнѣ. Я постарался его успокоить, и онъ съ покорностью ягненка послѣдовалъ за нами.

Только-что мы уложили его въ постель, какъ внизу слышались снова крики: „Гдѣ они, эти подлецы, вотъ Кіевская партія пришла“. Нечего дѣлать: мы сошли опять внизъ, заперевъ предварительно саратовца на ключъ. Передъ нами стояла шумная ватага пьяныхъ и кричала: „Мы хотимъ его убить, разстрѣлять“. Съ пьяными трудно спорить; также трудно было убѣдить ихъ, что комендантъ завтра назначить судъ надъ виновнымъ, а что теперь никого безъ суда убивать нельзя, и что мы въ Сербіи должны подчиняться сербскимъ законамъ. Пожелавъ имъ спокойной ночи, мы къ нашему удовольствію видѣли, что партія съ бранью удалилась изъ комнаты. Всѣ эти буйства произвели нехорошее впечатлѣніе на сербовъ, они боязливо оглядывались, обходили бунтующихся. Образованные сербы ехидно улыбались и пожимали плечами. Иногда они приходили въ ужасъ отъ какого-нибудь пассажа. Ушаковъ хотѣлъ поѣхать въ Бѣлградъ на австрійскомъ пароходѣ. Онъ выдалъ своимъ добровольцамъ деньги и стремился въ Делиградъ. Надо было видѣть лицо коменданта крѣпости (въ Кладовѣ), когда онъ узналъ объ этомъ. „Нѣтъ, молю васъ останьтесь, я не справлюсь съ вашими. У меня очень мало солдатъ“.

Да солдата поколотилъ офицеръ изъ другой партія. Вся

партія, къ которой принадлежалъ солдатъ, приняла это за оскорбленіе. Не одобровать было бы офицеру, но его спрятали.

Б—ій и я ходили по группамъ, старались ихъ урезонить, говоря, что вѣдь мы на чужой сторонѣ, что скажутъ эти сербы. Насъ слушали, но въ догонку раздавалось: „вотъ еще нашлись какіе-то“.

Вскорѣ я сѣлъ на австрійскій пароходъ и долженъ сознаться, въ глубинѣ души, что эти драки подѣйствовали на меня отрезвляющимъ образомъ. Я почувствовалъ себя хорошо и спокойно. Гдѣ же? На австрійскомъ пароходѣ, среди нашихъ естественныхъ враговъ. Какая иронія судьбы. Я былъ увѣренъ, что тутъ не придется мнѣ разнимать, успокаивать, видѣть лужи крови и разбитыя скулы. Однимъ словомъ я наслаждался благами цивилизаціи и сочувствовалъ Потугину въ „Дымѣ“, когда онъ говорилъ: „пронеси соотчичей“. Досаднѣе всего было, что зрителями этихъ безобразій были другіе—сербы и австрійцы, которые про себя называли насъ варварами. Съ моей стороны это было нехорошее чувство, которое, я надѣялся, исчезнетъ въ Бѣлградѣ. Я утѣшался мысленно тѣмъ, что дисциплина исполнить свое назначеніе и подчинить эти буйные порывы болѣе осмысленной цѣли, и что въ числѣ добровольцевъ находятся же люди, какъ Ушаковъ, Б—ій и др., которые держатъ себя прилично, приготавливаясь достойно къ исполненію своего долга.

На пароходѣ ко мнѣ подсѣлъ какой-то Вѣнскій жидъ и старался расспросить о Россіи. Нечего грѣха таить, я представилъ ему, что движеніе охватило всю Россію и что Европа должна будетъ смириться передъ этимъ благороднымъ порывомъ русскаго народа. Онъ мало вѣрилъ моимъ словамъ, думалъ, что добровольцевъ посылаетъ правительство отъ себя и что Турція въ своемъ правѣ, потому что она—законный собственникъ всего Балканскаго полуострова. Всѣ славяне дрянъ, утверждалъ онъ съ паѳосомъ. На пароходѣ ѣхалъ фельдмаршалъ Скюдье (Scudier). Онъ просто спросилъ меня: „werden wir uns schlagen“? Капитанъ парохода старался навязать мнѣ ружье системы Верндля, увѣряя, что въ Сербіи ружей нѣтъ. „Какъ же его провезти“? спросилъ я его. „Вѣдь у васъ строгости“. „Ничего, вамъ вынесутъ на берегъ ружье, когда мы причалимъ къ берегу“. „Я тогда и заплачу деньги, было моимъ отвѣтомъ“.

Дѣйствительно, когда мы остановились у пристани, ружье было передано мнѣ, и я вручилъ деньги. Въ Сербіи у всѣхъ спрашивали паспорта; но стоило сказать „Русь“ и васъ пропускали безъ промедленія. На берегу ожидали члены городского совѣта и указывали русскимъ дома, въ которыхъ можно было остановиться.

Не въ первый разъ я прїѣзжалъ въ Бѣлградъ. Я былъ въ этомъ городѣ въ 1874 году.

Теперь въ Бѣлградѣ были русскіе добровольцы. Сербія подняла знамя славянства, и вниманіе всей Европы было обращено на этотъ прежде мирный уголокъ.

Мы отправились съ Б. въ гостиницу, гдѣ нашли санитарный отрядъ, бывшій съ нами вмѣстѣ въ Тѣкію. Они раньше насъ заняли австрійскій пароходъ и теперь ожидали, что ихъ отправятъ на театръ военныхъ дѣйствій. У сербовъ демократизмъ коренится въ нравахъ народа. Пойдете ли вы къ министру, ничто не обязываетъ васъ надѣть фракъ. Министры говорятъ съ селяками за панибрата. Я отправился къ сочлену, а теперь уполномоченному славянскаго комитета, генералу Дандевилю. Вѣстовые и адъютанты генерала представляли собою непривычное зрѣлище для сербовъ. Нѣкоторые добровольцы также высказывали свое неудовольствіе на эту пышность. Въ комитетѣ я часто слышалъ мнѣніе, что добровольцевъ слѣдуетъ держать въ строгой дисциплинѣ. Князь Черкасскій, выбирая будущихъ управителей Болгаріи, искалъ прежде всего людей исполнительныхъ и привыкшихъ къ военной дисциплинѣ. Къ министру Николичу, правда, всякій приходилъ запросто, но на это можетъ быть сдѣлано возраженіе, что система, которая годится для Сербіи, непримѣнима въ Россіи. Не могу прямо отрицать полезности той обстановки, которую я видѣлъ у генерала Дандевиля, потому что многіе добровольцы своимъ поведеніемъ какъ будто требовали, чтобы къ нимъ примѣнялось правило тащить и пущать. Они держали себя, какъ люди непривычные къ свободѣ. Сербскую власть они ставили ни во что, а призракъ Россіи въ видѣ вѣстовыхъ и адъютантовъ заставлялъ ихъ вытягиваться въ струнку, подбираться и вести болѣе приличныя рѣчи.

Онъ представлялъ собою начальство. Что же дѣлать, когда у насъ въ Россіи дарили все, что есть; общественнаго въ государствѣ не существуетъ для публики, а для желѣзнодорожнаго начальства, которое непременно займетъ лучшія мѣста, а публика размѣщается, какъ ей угодно—это общественное явленіе,

значить выражать претензии на это нельзя. Его и выбирали съ тѣмъ, что онъ будетъ начальствовать. Мнѣ приходили въ голову грустныя мысли. Въ Россіи я очень часто негодовалъ на существованіе жандарма при поѣздахъ. На что они, вѣдь за границей ихъ нѣтъ, въ Америкѣ даже дозволено каждому на свой собственный страхъ высовывать свою голову, стоять на площадкахъ, ломать себѣ шею. И въ Сербіи я вдругъ возмечталъ о прелестяхъ русскихъ держимордъ. Только бы двухъ, трехъ сюда, только бы русскимъ духомъ запахло, будочниковъ что ли... И порядокъ водворился бы повсемѣстно. А то сербы выпучать глаза и смотреть на расходившуюся Русь, да неужели они всѣ такіе и такихъ до 80 милліоновъ. Какія страсти... Право. Русскій не привыкъ къ сербской свободѣ... Удайся у насъ революція, а она можетъ удасться только съ помощью держимордъ ¹⁾, будочниковъ другого рода, то не только себя, но и всѣхъ разнесутъ. Анархіи у насъ была бы страшнѣе, чѣмъ на западѣ. Тамъ все-таки человекъ привыкъ двигаться и безъ помощи жандарма, безъ возгласа: „Куда лѣзешь?“ или затрецинь. Вотъ отчего, если я и во многомъ сочувствую нашимъ передовымъ, то не сойду съ ними. Они хотятъ уничтожить государственную власть, но при томъ пострадаетъ Россія и вся цивилизаціонная задача русскаго народа, и явится опасность подчиненія нѣмцу, въ томъ вся и бѣда. Для обузданія анархіи потребуются диктатура, Бонапарты и т. д. Хотя многіе говорятъ, что люди, перенесшіе тифъ, чувствуютъ себя здоровыми послѣ болѣзни. Но если любишь человека, не пожелаешь ему тифа, и я тоже не желаю такого испытанія Россіи, которая, конечно, не погибнетъ... Надо по моему мнѣнію ждать, пока народъ самъ возьметъ дѣла въ свои руки. Нашъ народъ это не гнилая наша интеллигенція—это громадная сила. Я убѣдился на нашихъ добровольцахъ изъ простыхъ, съ какимъ тактомъ они себя держали, разъ понимали свои обязанности.

Какъ много смѣшного было въ нашемъ первомъ знакомствѣ съ сербами, видно будетъ изъ слѣдующей сцены, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Зашелъ я въ лавку, которая, скажу между прочимъ, принадлежала Землинскому еврею. Какой-то офицеръ спрашивалъ себѣ галстукъ. Ему сказали цѣну, но она показалась ему высокой, и онъ разразился слѣдующей тирадой. „Мы васъ спасать пришли, а вы съ насъ дерете втридорога“. Еврей и его жена преспокойно забирали деньги

¹⁾ Написано въ 1876 г.

и, вѣрно. въ глубинѣ души смѣялись этой наивности. „Кого спасать—евреевъ?“ долженъ былъ спросить всякій, знавшій національность хозяина лавки. Фраза „мы васъ спасать пришли“ мнѣ ужасно надоѣла въ послѣдствіи; она говорила при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Теперь расскажу о томъ, какъ меня встрѣтилъ министръ Іовановичъ. Живетъ онъ очень просто, слишкомъ просто для такого высокаго положенія. Входъ въ квартиру былъ со двора. Я ему отдалъ письмо Ламаанскаго. Страшный англоманъ, сначала онъ чуждался Россіи, потомъ круто повернулъ въ другую сторону и высказывалъ свое сочувствіе Россіи. Наружностью онъ похожъ скорѣе на нѣмецкаго чиновника, чѣмъ на серба. „Теперь“, сказалъ онъ, „только Россія можетъ помочь. Мы надѣялись на нашихъ союзниковъ, но они намъ измѣнили. Теперь только одна надежда на Россію. Намъ нужны деньги и побольше волонтеровъ. Ихъ всего 4.500 человекъ. Это капля въ морѣ. Мы думали окончить кампанію въ два мѣсяца“. (Эта фраза меня поразила, но потомъ объяснилась тѣмъ, что Ристичъ думалъ и насъ вовлечь въ войну). Протичъ, разговаривая съ однимъ моимъ знакомымъ въ моемъ присутствіи, сказалъ (на вопросъ, неужели вы потерпите турецкій флагъ на Бѣлградской цитадели? Не сдавайтесь): „Разъ попробовали завлечь насъ. Теперь рисковано, пожалуй, пострадаемъ хуже прежняго“. „У насъ“, продолжалъ Іовановичъ, „приготовлены запасы только на этотъ срокъ“. Повернувъ разговоръ на отношенія сербовъ къ русскимъ, я высказалъ ему свое удивленіе, что сербы высылаютъ адреса англичанамъ, а не русскому народу. „Совершенно вѣрно“, перебилъ меня Іовановичъ, „мэръ Бѣлграда приходилъ ко мнѣ и предлагалъ устроить манифестацію въ честь Англии“. Я спросилъ его, что вы сдѣлаете для Россіи?—„Знаете“, говорилъ Іовановичъ: „движеніе въ Россіи насъ поразило. Мы совсѣмъ не надѣялись на Россію. Помощь со стороны русскаго народа была для насъ неожиданностью“. „На кого же вы рассчитывали? Какъ же вы думали рѣшить такой вопросъ безъ помощи Россіи?“ спрашивалъ я. „Мы рассчитывали на Румынію, Грецію и Болгарію. Конечно, въ интересахъ Россіи насъ поддерживать—мы составимъ оплотъ Россіи противъ Турціи“.

Заговорили о необходимости для сербовъ узнать Россію, а не игнорировать ее, какъ это дѣлалось прежде. „Да, съ горечью сказалъ онъ, мы пропали теперь безъ Россіи. Намъ

нужны деньги и много денегъ. Нашъ заемъ плохо идетъ у васъ. А намъ нужно одѣть и прокормить войско“.

Я зналъ изъ очень вѣрныхъ источниковъ (Карцевъ), что Ристичъ просилъ у нашего правительства три милліона денегъ и расформированную дивизию.

Митрополитъ Михаилъ просилъ передать комитету, что нужно холста для бѣдныхъ болгаръ и босняковъ. Я заговорилъ съ нимъ про Іовановича: „О, онъ англоманъ. Они и войну затѣяли безъ вѣдома Россіи, рассчитывая на собственныя силы и на силы союзниковъ“.

Передъ объявленіемъ войны они всѣ собрались въ одномъ знакомомъ домѣ и обсуждали войну съ Турціей.

Одна старуха, помнившая Кара-Георгиевича и русскихъ, спросила: „Что же Россія? Будетъ ли она съ вами?“ „Нѣтъ“, отвѣчали ей, „толку изъ этого не будетъ“ рѣшила старуха.

Взглядъ Михаила на событія былъ не особенно радостный. Народъ, какъ и эта старуха, считали невысказаннымъ начинать войну безъ Россіи. А Россія и до сихъ поръ не объявила войны. Вотъ причина перваго разлада между народомъ и правительствомъ.

Всѣ ужасы войны, поборы народъ приписываетъ своимъ управителямъ и говоритъ, что его обманули. Лучше было бы, конечно, заключить миръ.

Автономія Болгаріи, Босніи, Герцеговины будетъ теперь достаточною для удовлетворенія національнаго самолюбія.

Переходя къ Деспотовичу, онъ сказалъ: „онъ не имѣетъ пушекъ. Мы ему доставили двѣ. Ничего, справляется“.

Интересенъ тоже разговоръ съ Николичемъ. Онъ высказался очень презрительно о Румыніи. Когда я замѣтилъ ему, что румыны, пожалуй, соберутся и тоже ударятъ на турокъ, онъ сказалъ: „лишь бы они намъ не мѣшали провезти оружіе, свинець, войско, ихъ намъ не нужно. Войско наше ничего не стоитъ, а ихъ еще меньше“.

Снаряженіе добровольцевъ происходило довольно скоро и толково. Въ одинъ день они получили объявку, и имъ тотчасъ же выдавалась одежда. Что касается оружія, то его не было въ Бѣлградѣ (я говорю о ружьяхъ). Ружья были зака-

заны, но за нихъ требовалось уплатить деньги; а заемъ, какъ мнѣ сказали сербскіе министры, не удался въ Петербургѣ. „Намъ выдали милліонъ“, говорили они, „но что такое милліонъ. Очень мало также добровольцевъ. Надо по крайней мѣрѣ 20 тыс.“. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что милліонъ слишкомъ незначительная цифра, если нужно заказать 60.000 ружей системы Пибоди по 15 рублей (выходить 900.000 рублей). Предстояло еще обмундировать второй и третій призывъ русскихъ добровольцевъ, содержать ихъ, затѣмъ необходимо было закупить свинецъ, пушки. Какъ могло сербское правительство, въ виду отсутствія денегъ, еще выдавать по 20 франковъ на подъемъ добровольцевъ, для меня непонятно. Но главной квартирѣ выдавалось какое-то жалованіе. Средства комитетовъ были недостаточны. Теперь, когда мы увидѣли, чего стоила война русскому народу, надо удивляться, съ какими малыми средствами дѣйствовали Черняевъ и сербское правительство.

Мрачная тѣнь легла на эти предпріятія послѣ всѣхъ разговоровъ съ руководителями Сербіи. Они надѣялись на скорую денежную помощь Россіи, но во мнѣ не было этой увѣренности. Были бы деньги, можно было бы найти контрабандистовъ, которые рискнули бы провезти оружіе. Все кромѣ оружія, въ военное время было шалостью, празднымъ препровожденіемъ времени. Неутомимая дѣятельность комитетовъ, увлеченіе, охватившее русское общество, все должно было фатально привести къ неудачѣ.

Сообщу случай довольно знаменательный. Бѣлградское правительство, за неимѣніемъ серьезныхъ фирмъ, заказало сначала ружья какому-то фабриканту зонтиковъ. Тотъ, получивъ заказъ сербскаго правительства, не нашелъ столько денегъ, чтобы выѣхать изъ Бѣлграда. Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, говорилъ Наполеонъ. Приходится вспомнить также что для войны нужны деньги, деньги и деньги. Является солидная фирма Фредериксъ и предлагаетъ доставить въ Кладово 20.000 пудовъ свинцу. Все идетъ какъ по маслу. Свинецъ доставленъ въ Кладово. Его провезли черезъ всю Австрію въ Турнъ-Северинъ (минуя Бѣлградъ). Изъ Турнъ-Северина, на лодкахъ, въ одинъ день его перевезли въ Кладово (но это было наканунѣ Дьюнишскаго погрома). Тутъ нужно было подкупить сначала главнаго директора австрійскаго Ллойда, одного изъ помощниковъ Тиссы и много другихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Дѣло сдѣлано и Фредериксъ является къ Ристичу.

Между ними разыгрывается слѣдующее *qui pro quo*. Фредериксъ: *je viens pour le plomb*. Ристичъ: *C'est trop tard*. Фредериксъ: *Pardon, mais je viens toucher l'argent, le plomb est livré*. Удивленіе со стороны Ристича и фраза: *Attendez un peu, nos caisses sont vides...* Компания эта знала очень хорошо, что за нее заступится Бисмаркъ. Фредериксъ заручился участіемъ прусскихъ фирмъ, и всякая остановка груза, направленного въ Румынію, вызывала бы вмѣшательство желѣзнаго канцлера. Тотъ же Фредериксъ предлагалъ поставить ружье Шаспо по 25 франковъ, прусское игольчатое ружье по 35 франковъ. Но такимъ образомъ составлялась колоссальная цифра, которая была не по силамъ сербскому правительству. Фредериксъ хотѣлъ гарантій Петербургскихъ банкировъ, что деньги будутъ ему уплачены.

Я сообщилъ комитету подробности этой безотраднѣй картины. Осталось одно—ѣхать въ Делиградъ и узнать, что думаетъ Черняевъ, и если будетъ битва, не ударить лицомъ въ грязь. Позднѣе я увидѣлъ еще разъ Фредерикса. Онъ сообщилъ мнѣ, что румыны не имѣютъ денегъ, но они ему сказали, что Россія выдастъ имъ нѣсколько милліоновъ. „Правда ли это“? спросилъ онъ меня. „Какъ я могу это знать“, было моимъ отвѣтомъ. „Что же вы посоветуете“? „Просите у нихъ гарантію русскихъ банковъ, и тогда вы увидите, брехня ли это или нѣтъ“. Бельгіецъ удалился, довольный моимъ совѣтомъ.

Выѣхать изъ Бѣлграда было довольно трудно. Не было колъ. Дилижансъ отходилъ, кажется, разъ въ недѣлю, и мѣста всѣ были заранее заняты. Мнѣ показалось смѣшно, что за такими пустяками надо было беспокоить чуть ли не все сербское министерство, отъ министра финансовъ къ другому министру и все понапрасну: лошади были всѣ въ разгонѣ. Я рѣшился взять свои вещи и ждать отбытія дилижанса. Къ счастью, въ дилижансѣ заняли помѣщеніе гр. Коновницынъ (мой родственникъ), Каразинъ, Мусинъ-Пушкинъ и Хлудовъ, и они были такъ любезны, что уступили мнѣ мѣсто на козлахъ. У меня была курьерская подорожная; но, извѣдавъ, какъ трудно получить колу, я радехонекъ былъ своему мѣсту. Въ Сербіи все бралось реквизиціею: квартира, отопленіе, припасы, средства передвиженія, все это доставлялось населеніемъ до изнеможенія силъ, безъ всякаго вознагражденія со стороны правительства. Можно ли послѣ этого говорить, что сербы мало принесли жертвъ? Всѣмъ чиновникамъ было убавлено жалованіе: рѣши-

тельно никто изъ нихъ не получалъ свыше 300 талеровъ въ годъ.

Ѣхали мы очень тихо; лошади тащили, но не везли насъ: то одно колесо сломается, то другое. Это давало поводъ къ шуткамъ. Одинъ Хлудовъ спалъ крѣпкимъ сномъ праведника и не выходилъ изъ себя, какъ это случалось съ другими. По близости отъ Делиграда, намъ стали попадаться раненные въ битвѣ 16 сентября. Бывали и такіе, которые говорили, что они больны. Какой-то шумъ раздавался вдали. Трудно было разобрать, что это пушечные выстрѣлы. Подъѣзжаемъ къ Делиграду, и глазамъ нашимъ представилась арка, украшенная вѣнками и сооруженная по случаю провозглашенія Милана королемъ Сербіи. Арка уже теперь имѣла поблекшій, мизерный видъ. Сравненіе съ лагеремъ Валленштейна такъ и просилось на языкъ. Какое разнообразіе типовъ, людей, состояній. Тамъ были албанцы, сербы изъ старой Сербіи, босняки, черногорцы, всѣ въ своихъ народныхъ одѣянiяхъ. Только первый классъ былъ одѣтъ въ форменныя платья. Слышалась англійская, итальянская, нѣмецкая, мадьярская, сербская и русская рѣчь.

Прежде чѣмъ я передамъ, что Черняевъ со мною говорилъ, мнѣ нужно установить мою точку зрѣнія на этого дѣятеля. Ему досталось очень много нареканій послѣ Дьюнишскаго погрома. Изъ архистратига славянской рати его низринули и окунули въ самую глубокую грязь. Если кто прочтетъ внимательно, что я сообщилъ выше о вооруженіи сербовъ, о безденежьи, о томъ, что министры сербскіе думали въ два мѣсяца покончить всю кампанію, то выводъ будетъ сдѣланъ самъ собой. Можно было спросить, какимъ образомъ такой опытный военачальникъ, видѣвшій, съ кѣмъ и съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, рѣшился поднять на своихъ плечахъ такую непосильную задачу. Съ военной и политической точки зрѣнія онъ былъ, можетъ быть, и не правъ, но съ точки зрѣнія высшей правды, Черняевъ, какъ первый русскій доброволецъ, поспѣшившій подать руку помощи въ этой борьбѣ за свободу, будетъ оправданъ исторіей. Освобожденная Сербія, Болгарія, Румынія, расширенная Черногорія, все это явленія великаго смысла и значенія, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ по праву Черняеву. Онъ былъ знаменемъ, около котораго группировались русскіе добровольцы. Въ теченіе разсказа, желая говорить одну правду и сохранить полное безпристрастіе, мнѣ придется отмѣчать, когда Черняевъ, по моему мнѣнію, ошибался, когда

онъ предавался иллюзіямъ, и вотъ отчего я и считалъ необходимымъ высказывать свое мнѣніе и свое глубокое убѣжденіе въ этому дѣятелю, прежде чѣмъ произнесу что-нибудь къ его осужденію.

Черняевъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе своимъ искреннимъ и прямодушнымъ разговоромъ. Онъ выслушалъ внимательно о планѣ Лишина на счетъ Болгаріи. Когда онъ бываетъ недоволенъ (какъ я замѣтилъ впоследствии), онъ стискиваетъ зубы, и въ немъ происходитъ что-то въ родѣ судорожнаго движенія. „Зачѣмъ все это? Скорѣе бы прислали сюда казаковъ“, сказалъ онъ недовольнымъ тономъ. „Оружіе покупаютъ для болгаръ, а посмотрите, чѣмъ вооружены наши воины“. „Вы значитъ не вѣрите въ возстаніе болгаръ?“ „Нѣтъ, и сами сербы не желаютъ войны. Они только самый покорный, послушный народъ въ мірѣ. Впрочемъ, вы поживете здѣсь и сами все увидите. Оружіе давать болгарамъ бесполезно. У насъ у самихъ его очень мало“.

Я сообщилъ ему, что Николичъ заказалъ ружья и что можно будетъ, пожалуй, провезти ихъ черезъ границу. „Гдѣ они?“ сказалъ онъ и жестомъ выразилъ нетерпѣніе. „И вы думаете, что они попадутъ сюда? Мнѣ только мѣшаютъ, но не помогаютъ“.

Хлудовъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, сообщилъ ему, съ смущеннымъ видомъ, что въ Бѣлградѣ противъ него интригуетъ Карцевъ.

Черняевъ улыбнулся и сказалъ: „Да, свои и чужіе мнѣ мѣшаютъ. Сюда бы хорошую дивизію русскихъ солдатъ, и дѣло было бы кончено“.

Изъ того, что я видѣлъ въ военномъ министерствѣ и что происходило въ Делиградѣ, замѣтно было одно — отсутствіе единства дѣйствій и замедленія всякаго рода.

Черняевъ также недовѣрчиво относился ко всѣмъ попыткамъ взять Тульчу, Руцукъ и т. д. „Давайте сюда скорѣе казаковъ“, повторялъ онъ.

Оставалось только телеграфировать въ Петербургъ, въ Кишиневъ и торопить Лишина. Вскорѣ прибыли Нарышкинъ съ семидесятью казаками, но безъ ружей. Черняевъ взялъ ихъ съ собою. „Покажу ихъ туркамъ; они подумаютъ, что казаковъ пришло много“.

Враждебная намъ Neue Freie Presse оказывала намъ услугу, преувеличивая цифру русскихъ добровольцевъ и раздувая скромное количество казаковъ въ колоссальныя полчища.

Я получилъ отъ Новоселова телеграмму, что Филипповичъ въ Бѣлградѣ и желаетъ меня видѣть. Путаница выходила невообразимая: нѣсколько проектовъ безъ исполнителей, какое-то хаотическое состояніе дѣлъ и молчаніе комиссіи.

Не знаю, сколько получилъ Черняевъ денегъ изъ комитетовъ, но онъ долженъ былъ покупать все: ружья, плащи, выдавать жалованье, а денегъ и въ главной квартирѣ было мало. Черняевъ говорилъ мнѣ, что онъ въ свое распоряженіе получилъ только 200.000 р. с. Сдѣлаемъ приблизительное вычисленіе, что стоило 4.000 добровольцевъ. По расчету выходитъ, что каждый доброволецъ получилъ не болѣе 50 р. с. въ теченіе всей кампаніи отъ 15 іюня до 20 октября. Эти цифры гадательны. Для успѣха нужно было нѣсколько милліоновъ, и это могло дать только русское правительство. Въ неуспѣхѣ виновата не трусость сербовъ или мотовство Черняева, а отсутствіе нерва войны—денегъ... Я не видѣлъ отчета Черняева, но онъ показываетъ, что у Черняева было очень мало денегъ. Очень возможно, что инымъ офицерамъ, которые были на позиціи, и недоставалось ничего. Я въ этомъ дѣлѣ, въ этихъ пререканіяхъ между штабомъ и офицерами отдѣльныхъ отрядовъ, сторона, и могу быть безпристрастнымъ, потому что жалованіе мнѣ не выдавалось, и я могу сказать, что у меня не было въ рукахъ ни одного сербскаго рубля.

Былъ одинъ случай, который и на меня навелъ раздумье. Одинъ изъ штабныхъ собирался въ Россію; онъ получилъ „Таково“, и надо сказать, что я видѣлъ этого господина въ большомъ свѣтѣ. Между нимъ и товарищами произошелъ слѣдующій разговоръ: „ты ѣдешь, какой ты счастливый, ты получилъ деньги на дорогу“. „Нѣтъ, Черняевъ знаетъ, что я человекъ не бѣдный; онъ со мной простился и ничего не сказалъ“. „Фу, чудакъ какой. Ты ѣдешь по порученію и тебѣ должны дать 30 золотыхъ. Вѣдь дали же Л. на дорогу столько-то“. „Но мнѣ совѣстно, вѣдь у меня есть деньги на дорогу, и дома я также найду деньги“. Мнѣ интересно было, на что онъ рѣшится. Но товарищи уговаривали его. „Ты пойдѣ къ Комарову и скажи ему. Это само собою разумѣется, что тебѣ должны дать деньги, по положенію“. Потомъ я увидѣлъ этого господина, и онъ уже показывалъ полученные червонцы.

Въ моемъ присутствіи приходили къ Черняеву добровольцы съ позиціи и жаловались, что у одного нѣтъ сапогъ, у другого нѣтъ плаща, что тому нужна шинель, и просили выдать нѣсколько денегъ изъ жалованія. Черняевъ ко всѣмъ относился

съ должнымъ вниманіемъ, даже и къ такимъ вздорнымъ просьбамъ: „я не хочу служить съ такимъ-то; я хочу перейти на такую-то позицію“. Всѣ шли къ Черняеву и избѣгали низшихъ инстанцій, говорили ему о своихъ нуждахъ. Что штабъ распоряжался деньгами больше на нужды своихъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно, но сумма уже была не такая большая, чтобы излить на нихъ сокровища Голконды. Что они были чище, элегантнѣе другихъ, что у нихъ были деньги для игры въ карты (Черняевъ строго запрещалъ играть въ карты и всякую роскошь, онъ сдѣлалъ выговоръ Л., когда тотъ завелъ себѣ коляску), то это потому, что между ними были люди съ хорошимъ состояніемъ, а вокругъ людей съ хорошими средствами другіе могли разжиться на 20 на 30 р., могли выиграть при счастья хорошую сумму. Вражда коренилась здѣсь глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Богатому гвардейцу, завсегдатаю Бореля и Дюссо, понавшему въ штабъ Черняева, приписывалось, что онъ живетъ на счетъ Тимоко-Моравской арміи. Что при случаѣ этотъ самый штатный, имѣя тысячи дохода, не отказывался отъ лишнихъ 40 или 50 червонцевъ, очень понятно съ точки зрѣнія общественной морали. Что богатый человекъ, занимая важный постъ на государственной службѣ, не откажется отъ разныхъ extra въ видѣ крупныхъ подъемныхъ денегъ, аренды, маіората—это въ порядкѣ вещей. Скажу даже больше: одинъ изъ богатыхъ людей (у него было около 200 т. капитала), отправляя своихъ сыновей въ Сербію, выпрашивалъ у Лишина, чтобъ его сыновьямъ, не въ примѣръ другимъ, прибавить денегъ на дорогу. Лишину едва удалось убѣдить этого господина въ неприличіи такого вымогательства.

Черняевъ въ разговорѣ со мной высказывался очень часто; „Если бы дали мнѣ 6.000 скорострѣлокъ, я вооружилъ бы своихъ русскихъ. Пожалуйста, телеграфируйте объ этомъ въ Комитетъ“. Я исполнилъ его желаніе, но сознавалъ очень ясно, что это будетъ длиться цѣлые мѣсяцы, пока сойдутся, потолкуютъ, а потомъ пошлютъ. Событія оправдали мое предчувствіе: казаки пришли уже тогда, когда штабъ, послѣ Дюнишскаго погрома, стоялъ въ Рожанахъ. Передъ самымъ концомъ обѣщали 30.000 ружей системы Кренка.

Меня удивляла медленность дѣйствій противной стороны. Англійскія ружья, Крупновскія пушки вѣрно не вдохнули энергіи въ турецкую армію. Цѣлый мѣсяць бездѣйствія. Въ одномъ лагерѣ происходило освященіе церкви, въ другомъ

праздновали Байрамъ. Войско было деморализовано такимъ долгимъ покоемъ.

По ночамъ горѣли огни.

Черняевъ предавался даже той иллюзіи, что турки уйдутъ въ Нишъ, такъ мало проявляли они свое присутствіе. Дѣло было иначе. Нужно было подвезти Крупновскія пушки, а это и туркамъ и сербамъ съ ихъ средствами передвиженія довольно трудная задача. Я высказалъ на другой день послѣ битвы при Зайчарѣ слѣдующее сужденіе Дохтурову: „по-моему оба войска стоятъ другъ друга. Одерживать такой успѣхъ и такъ мало инициативы“. На самомъ дѣлѣ дѣйствовать нельзя было съ наличными силами, какъ доказало сраженіе 16-го сентября. Приведу мнѣніе Зеленаго, нашего военного агента въ Константинополь. Эта армія миражъ. Это былъ кунштюкъ держаться Черняеву съ горстью русскихъ и артиллеріей. 1 офицер. ст. бат., 1 фельдфебель на цѣлый баталіонъ. Милиція не можетъ драться. Всѣ только и мечтали о перемиріи. Но я зашелъ слишкомъ далеко. Всѣ эти факты доказали мнѣ одно, что *если организованное сербское войско представляетъ такія явленія, что же будетъ въ Бомаринъ, идъ нѣтъ русскихъ, идъ средства будутъ поступать еще неправильно*. Это было мистифицированное безъ денегъ (всѣ эти ссоры Черняева съ Николичемъ не измѣняютъ сущности дѣла. Ни у того, ни у другого не было самага необходимаго), войска безъ одежды, безъ ружей, безъ маркитантовъ.

Вернусь къ Черняеву. Я бывалъ у него по болгарскому дѣлу. Онъ какъ-то успокоился и расхаживалъ по площадкѣ близъ своего дома, долго вглядывался въ даль. „Турокъ не слышно“, сказалъ Черняевъ: „не ушли ли они въ Нишъ? Вотъ будетъ штука“. Онъ не хотѣлъ принять продолжительнаго перемирія, предлагаемаго Сербіи Австрійскою и Англійскою дипломатіею. „Я соглашусь только на шестинедѣльное перемиріе: тогда я поѣду въ Россію, наберу волонтеровъ тысячъ тридцать, попрошу для сербскаго правительства нѣсколько милліоновъ“. Не у него одного были такія мирныя мысли. Всѣ потягивались, зѣвали, просились въ отпускъ. Черняевъ высказывался Хлудову: „Бѣда мнѣ съ тѣми, которые получили орденъ; они всѣ подъ разными предлогами хотятъ вернуться въ Россію“.

Имѣлось въ штабѣ одно дѣло въ виду — взятіе Зайчара. Комитетъ требовалъ моего присутствія въ Бухарестѣ. Лишинъ телеграфировалъ: „вернитесь обусловить планъ дѣйствій“. Я спрашивалъ совѣта у Черняева. Онъ увѣрялъ меня, что теперь военныхъ дѣйствій не будетъ. „Турки предлагаютъ шестимѣ-

сячное перемиріе“, сказалъ Черняевъ, „но я не согласенъ: тогда войско совсѣмъ деморализуется. И теперь всѣ хотятъ домой, говорятъ, что вши у нихъ завелись“. Черняевъ говорилъ о перемиріи съ такою увѣренностью, какъ будто дѣло было въ шляпѣ.

Утомленіе, скука, царившія въ лагерѣ, разныя неисправности утвердили меня въ той мысли, что болгарское дѣло едва-ли будетъ имѣть успѣхъ. Въ сербскомъ войскѣ была какая-нибудь организація, было участіе Черняева, популярнаго въ Россіи; а гдѣ найти для болгарскаго возстанія опытныхъ администраторовъ, военачальниковъ, добровольцевъ и средства къ содержанію войска? Покорный пріѣхалъ нарочно въ Делиградъ, чтобы повидаться со мною. Онъ просилъ меня не сообщать его плана Черняеву, который не сочувствовалъ болгарскому дѣлу и держитъ себя какъ сербскій главнокомандующій. „Хотимъ взять Руцукъ“, говорилъ онъ мнѣ, „но денегъ не просимъ“. Вскорѣ послѣ его отъѣзда я убѣдился, что взятіе Руцука составляло *secret de polichinelle*.

Въ штабѣ получались всѣ газеты. Я выражалъ свое удивленіе тому обстоятельству, что никто не просматриваетъ *Neue Freie Presse* и другихъ газетъ, сочувствующихъ туркамъ. Въдѣ оттуда можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія о турецкой арміи. Слѣди они за газетами—турецкое бездѣйствіе объяснилось бы легко тѣмъ, что турки ждали подкрѣпленія, что пушки большого калибра проломили своею тяжестью мостъ. Но нужно сказать, что безпечность въ нашемъ и даже въ сербскомъ характерѣ. Мнѣ случалось часто принимать какое-нибудь свѣдѣніе за строгую тайну, а стоило только встрѣтиться съ иностранцемъ, и я узнавалъ отъ него, что это своего рода *secret de polichinelle*. Не знаю, пріѣздъ ли Покорнаго въ Делиградъ или другое обстоятельство вызвало между Комаровымъ и мною слѣдующее объясненіе. Онъ началъ съ того: „Я не знаю, кто вы и не съ цѣлью ли вредить намъ пріѣхали вы сюда. Вы проживаете здѣсь по какому-то болгарскому дѣлу. Болгары уже стоили Москвѣ 200.000 рублей; изъ этого ничего не вышло. Ружья, купленные для болгаръ, куда-то исчезли“. Кромѣ того Комаровъ высказывалъ опасеніе, что ружья, за которыми будто бы ѣздилъ Лаврентьевъ, перехвачены болгарами; что, дѣйствуя за болгаръ, прямо вредишь сербскому дѣлу. Изъ дальнѣйшаго разговора выходило, что все обстоитъ благополучно въ Делиградскомъ лагерѣ и ничего не нужно. Когда онъ сталъ сѣтовать на дѣйствія комитета, я просилъ его высказать мнѣ, какъ

довѣренному лицу отъ комитета (письмами такого рода къ Черняеву я былъ снабженъ въ Петербургѣ), что собственно и какъ нужно дѣйствовать. „Нѣтъ, вамъ скажешь правду, а вы нагоните панику, какъ это дѣлалъ Висковатовъ. Намъ не нужно уполномоченныхъ комитета. Комитеты дѣлаютъ все, что требуется, по одной телеграммѣ отъ насъ. Намъ нужны сапоги—высылаютъ, намъ нужны сапоги—высылаютъ“.

Хотѣлось мнѣ сказать ему, что не одни сапоги вамъ нужны: необходимо, чтобы комитетъ ясно понялъ ваше положеніе. Такъ и раздавалось въ моихъ ушахъ: „намъ нужны сапоги—посылаютъ“. Выходило по простонародному выраженію, дѣйствительно сапоги, но только въ смятку, т.-е. полный сумбуръ.

Я не берусь утверждать (какъ это говорилось многими), что Комарову принадлежитъ большая часть промаховъ. Послѣ этого объясненія я нарочно поговорилъ съ Хлудовымъ, чтобы узнать, не по инициативѣ ли Черняева повелъ Комаровъ со мною такой разговоръ. Послѣдующія событія не оправдали моего предположенія. Комаровымъ были недовольны въ Бѣлградѣ и даже въ Делиградѣ. Что онъ иногда относился поверхностно къ своему дѣлу, былъ слишкомъ довѣрчивъ и убаюкивался тѣмъ, что молъ вотъ мы какіе, на насъ теперь уповаетъ вся Россія, и не глядѣлъ впередъ, не дѣлалъ рекогносцировокъ, объ этомъ писали и, я думаю, не безъ основанія. Съ своей стороны я сообщу только два случая. Сербы особенно негодовали за то, что когда австрійскій сербъ Пешихъ предложилъ ввести оптическій телеграфъ (посредствомъ шаровъ, изображавшихъ всю азбуку), то Комаровъ отмѣнилъ всѣ приготовленія къ этому полезному для Делиградскаго лагеря изобрѣтенію вслѣдствіе донесенія одного изъ своихъ офицеровъ. Отчего онъ не назначилъ комиссію изъ свѣдущихъ людей для разсмотрѣнія этого дѣла? А то пріѣхалъ одинъ ординарецъ, и дѣло съ концомъ ¹⁾. Сербы предлагали взорвать мостъ самодвижущимися торпедами посредствомъ электрическаго тока. „Нѣтъ“, сказали въ штабѣ, „одного динамита будетъ довольно“. Несмотря на подвигъ Андреева и другихъ, мостъ не былъ взорванъ какъ слѣдуетъ, и турки его починили черезъ недѣлю. Посѣщая офицеровъ на позиціи, я убѣдился, что между штабомъ и позиціею нѣтъ никакой связи. „Правда ли, что мостъ взорванъ“? спросилъ я въ Боровиштѣ. „Что вѣрно говорятъ въ штабѣ“?

¹⁾ Оптическій телеграфъ пригодился бы во время Дюнишскаго боя, когда прервано было всякое телеграфное сообщеніе.

ѣдко отвѣчали мнѣ. „Много они тамъ знаютъ“. Мнѣ предлагали черезъ Хлудова заняться письменною частью и рисовали какую-то блестящую будущность; но я рѣшительно отказался. Когда я заявилъ о томъ, что мнѣ хочется поступить въ отрядъ, то мнѣ говорили: „Да все теперь кончено, скоро будетъ перемиріе; а тамъ что дальше будетъ—неизвѣстно; можетъ и Россія вступится за сербовъ“.

Съ прїѣздомъ Монтеверде и его супруги дѣло измѣнилось. Стали поговаривать, что Комаровъ слетитъ. Прочили на его мѣсто Дандевилля. Дандевиль дѣйствительно прїѣхалъ въ Делиградъ, но назначенія не принялъ. Черняевъ получилъ отъ князя Милана категорическое требованіе уволить Комарова.

Теперь вернемся къ болгарскому дѣлу. Можно было серьезно думать, что дѣло идетъ не объ освобожденіи славянъ, а о какой-то rivalité de clocher. Объясненіе съ Комаровымъ по дѣйствовало все-таки на меня. Вдругъ призываютъ меня къ Черняеву. „Мнѣ пужно съ вами переговорить“, обратился онъ ко мнѣ, и молча подалъ письмо, которое привожу дословно. Отчего это письмо было написано по-французски, а не по-русски или по-болгарски, я не могъ понять.

Belgrad, 10 Octobre 1876.

Mon général.

Ayant la conviction que votre excellence reste toujours bienveillante envers nous, pauvres Bulgars abandonnés de tout le monde, j'ose aujourd'hui aussi m'adresser à vous et demander votre concours pour la réalisation d'une de nos entreprises. Il ne nous faut que deux mots de votre part. Ayez la bonté de dire à m-r Devolant qu'il soutienne avec les moyens qu'il a promis l'expédition bulgare à Dobroudja. Deux milles Russes et Bulgares sont prêts à attaquer Toultscha, de se fortifier là bas et de faire éclater l'insurrection parmi les habitants dans les alentours. Les comités de Belgrad, d'Odessa et Kicheneff prendront part à cette affaire. Les chefs de l'expédition sont dix officiers russes et bulgars, parmi lesquels se trouve Philipowitch, Zandrok aussi. Ils ont la munition et les armes nécessaires pour se mettre en route. Il leur faut de 10 à 15 m. roubles qu'on attend recevoir de m-r Devolant. C'est donc de votre bienveillance de lui parler et de sa générosité qu'il dépend en peu de jours pousser en avant ces gens téméraires. Je voulais venir moi-même à Déligrad pour avoir l'honneur de vous voir et vous parler; mais malheureuse-

ment je suis attaqué par une telle fièvre qu'elle ne me laisse ces jours-ci sortir de la ville.

Vos envoyés en Valachie, Tancheff, les vevodes Panaïoti et Jelu se sont retournés sans rien faire pour l'affaire des volontaires, comme je l'attendais et comme je l'avais remarqué dans ma dernière lettre. Si votre excellence trouve nécessaire de nous donner quelques instructions sur l'expédition de Toulcha daignez nous les remarquer dans une lettre de quelques lignes.

Recevez etc.

Georges A. Jivkoff.

P. S. Le télégramme avec laquelle on demande que j'aile a Déligrad est ci-jointe. Si m-r Devolant veuille envoyer de l'argent, il faut l'adresser ou au ministère de la guerre pour moi, ou à l'hôtel, où je demeure.

„Что же вы хотите дать 15 т. на взятіе Тульчи?“ спросилъ я главнокомандующаго. „Да послѣ, когда они возьмутъ ее у турокъ. Но это надо дѣлать поскорѣе, а то выйдетъ безтолковщина“.

Мнѣ оставалось только, въ виду того, что мнѣ предписано было дѣйствовать въ согласіи съ Черняевымъ, телеграфировать: accordé dix mille après reussite.

У Черняева не было никакихъ денегъ. Писать въ комитетъ, дебаты и посылка денегъ, инструкцій, на это потребовался по меньшей мѣрѣ мѣсяць. А такъ совѣсть моя была покойна, что деньги комитета не будутъ потрачены даромъ. Вскорѣ послѣ этого я хотѣлъ отправиться въ Бухарестъ. Но прежде я зашелъ къ Черняеву, который увѣрялъ меня, что надняхъ будетъ перемиріе, что... И если вы хотите быть въ сраженіи, поѣзжайте въ Лугово, тамъ будетъ дѣло 5-го октября. Вскорѣ я убѣдился въ несостоятельности этихъ болгарскихъ заговорщиковъ.

Меня удивилъ фактъ о поимкѣ агента болгарскаго комитета въ Руцукѣ. Прежде всего онъ выдалъ всѣхъ и захватилъ деньги. Я хотѣлъ, сказалъ онъ, набрать побольше и бѣжать въ Европу. Устраивать заговоры съ такими дѣятелями, это значитъ дѣтская шалость. Трудно еще было приступить къ дѣлу въ виду той розни, которая существовала между сербами и болгарами. Въ оправданіе болгаръ можно сказать слѣдующее: болгары, обнадеженные сербскимъ правительствомъ, что она будетъ готова къ 1-му марту, поднялись и произошла рѣзня по всей Болгаріи.

Это произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ болгаръ.

У нихъ отнята была всякая энергія. Что же мы начнемъ безъ ружей. Дайте намъ ружей, а у сербовъ самихъ было только 30.000 ружей.

Хорошо, что болгары шли драться въ болгарскій легіонъ. И это одно показываетъ, что силъ въ болгарскомъ народѣ, также какъ у сербовъ, много. Дайте имъ организатора не комитетовъ и комиссій, а представителя русскаго правительства съ обширными полномочіями, съ деньгами, и дѣло не приняло бы столь плачевный оборотъ.

По одному сигналу, данному въ С.-Петербургѣ, возстали бы всѣ славяне на Балканскомъ полуостровѣ. И я, который, какъ вы видѣли, не предавался ни разу иллізміи, скажу откровенно, тогда дѣла сложились бы иначе. Оттоманская имперія должна была бы пасть.

Теперь разстанемся съ Черняевымъ и взглянемъ на то, что дѣлается въ лагерѣ.

Я поселился въ баракъ Хлудова. Это былъ какой-то родникъ веселыхъ шутокъ, благородства. Иногда онъ съ грубостью, свойственной неиспорченной натурѣ, какимъ-нибудь мѣткимъ словомъ стащитъ человѣка съ пьедестала, на который тотъ хотѣлъ вскарабкаться. Любилъ онъ до смерти ходатайствовать, хлопотать за другихъ. „Голубчикъ, Миша, попроси пожалуйста, чтобы мнѣ выдали жалованье; у меня нѣтъ лошади. Мнѣ нужно получить орденъ“. Всѣ эти хлопоты онъ припималъ съ рѣдкимъ добродушіемъ. Иногда ругнетъ крѣпкимъ словомъ того, который занесется въ своихъ претензіяхъ. „За что же тебѣ (крѣпкое слово)? Ты даже не доѣхалъ до того мѣста, гдѣ свистятъ пули?“ Многіе кипятились; но посмотрятъ на громадный кулакъ, на богатырскую и сонную фигуру Хлудова и смолчатъ. Хорошо то общество, когда въ немъ заводятся люди, которыхъ можно назвать общественной совѣстью. Хлудовъ иногда ошибался въ своихъ сужденіяхъ, но всегда высказывалъ ихъ рѣзко, безъ всякаго заглядыванія впередъ, что такой-то племянникъ, сынъ такого-то. Онъ одинъ признавалъ себя за силу (правда черноземную), и не будь у него необузданности, свойственной человѣку, выросшему среди кутежей и попоекъ, изъ него вышелъ бы характеръ и, можетъ быть, замѣчательный чловѣкъ. Со мною онъ не поссорился, никогда мнѣ не сдѣлалъ ни одной неприятности. Живя въ одномъ ба-

рактъ, я рано уходилъ къ себѣ, бралъ книгу и потомъ засыпалъ. Вдругъ среди ночи, вырастаетъ передъ мною фигура Хлудова со свѣчею въ рукѣ. „Вы спите?“ Спрашивалъ онъ меня и начиналъ иногда безсвязный, но полный характерныхъ чертъ рассказъ о томъ, что говорилъ Черняевъ, что дѣлалъ Монтеверде, Комаровъ и др.

Нѣкоторые офицеры на позиціи были недовольны наѣздами Хлудова для ночныхъ рекогносцировокъ: „никакого толку изъ этого не выходитъ. Напьются, горланятъ все эти господа, и выйдутъ пустяки“. Д. увѣрялъ меня, что онъ просилъ главнокомандующаго не присылать къ нему въ отрядъ ночныхъ экспедицій и даже выражался энергически: „Я ихъ пошлю связанными въ Делиградъ, потому что они производятъ одинъ беспорядокъ“. Я не берусь судить о цѣлесообразности ночныхъ экспедицій. Въ своемъ мѣстѣ расскажу я объ одной экспедиціи.

Черняевъ каждый день объѣзжалъ позиціи въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ. Многие не могли примириться съ мыслию, что все кончено, и рассчитывали, что вскорѣ будетъ битва. Оставалось только любоваться природою. Дѣйствительно, луна такъ мягко освѣщала спящій лагерь, эту живописную природу. Только фигуры часовыхъ выдѣлялись среди безмолвія, окликавъ прохожихъ и требуя лозунговъ. Утромъ раньше всѣхъ поднималась прислуга. Все это мылось, чистилось на воздухѣ (хотя по утрамъ бывало очень холодно, и ночью пробиралъ морозъ). Стаканъ чая и кусокъ чернаго хлѣба была цѣль, къ которой стремились и не всегда достигали. Въмѣсто обѣда намъ подавали паприкашъ. Въ соусѣ, пропитанномъ перцемъ, плавали кусочки свиного жира. Отвернешься отъ этой гадости и начнешь улетать хлѣбъ. Иногда удавалось пообѣдать въ штабѣ; тамъ обѣдъ также не отличался изысканностью, но онъ былъ лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Князь Мещерскій пріѣхалъ въ Делиградъ. Черняевъ поручилъ своему ординарцу Максиму показать ему Шуматовскій редутъ. Мы поднимались все въ гору, и вдругъ спускъ, и внизу веселенькій, чистенькій городъ Алексинацъ. Тамъ сѣли на лошадей и поѣхали на Шуматовскій редутъ. Воспоминанія о Гольштейнѣ были еще живы. Офицеры, бывшіе въ Алексинацѣ, были славные, боевые и храбрые ребята. Они звали меня пріѣхать къ нимъ въ другой разъ и тогда посетити Бобовиште. Князь Мещерскій, побывъ два дня въ Делиградѣ,

собрался въ обратный путь. Онъ хотѣлъ отвезти въ Россію 12-ти лѣтняго черногорца, участвовавшаго во всѣхъ битвахъ.

Одинъ изъ членовъ славянскаго комитета отправился въ виноградникъ полакомиться (хотя увѣряли тогда, что виноградъ имѣлъ трупный запахъ) и вдругъ присѣлъ на землю. Измайловъ подбѣжалъ къ нему, думая, что онъ спрятался. „Нѣтъ, я раненъ“. Рана оказалась несерьезная; но У-кому было не по себѣ. Онъ призвалъ меня и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія на случай смерти. До смерти было, конечно, еще далеко. Вотъ и обрачикъ шальной пули среди бездѣйствія. Кто жалѣлъ, кто смѣялся, приговаривая: „да какъ это его угораздило?“ Когда онъ лежалъ въ больницѣ, то сестра милосердія поднесла свѣчу къ раненой ногѣ и зажгла вату; отъ этого произошло опасное осложненіе болѣзни. Попеволѣ станешь фаталистомъ. Я сопровождалъ Домерчикова, Измайлова и другихъ въ Бобовиште. Мы были, должно быть, на виду у турокъ, потому что они пустили пушечный выстрѣлъ. „Это они по насъ стрѣляютъ“, пояснилъ Домерчиковъ.

Въ лагерь пріѣхалъ Кузьминскій. Онъ служилъ подъ начальствомъ Черняева въ Средней Азіи и былъ извѣстенъ Хлудову. „Миша, голубчикъ, закричалъ онъ, вотъ и я пріѣхалъ. Я непременно хочу организовать отрядъ. Надо мнѣ повидаться съ Михаиломъ Григорьевичемъ. Я попрошу его отпустить съ нами отрядъ самыхъ отчаянныхъ, и тогда мы вспомнимъ старину“. Его сопровождало нѣсколько молодыхъ людей. Это были кадръ будущихъ устрашителей турокъ. Самъ Кузьминскій имѣлъ 22 раны, Георгія и пользовался репутаціей отчаяннаго храбраго человѣка. Мнѣ казалось, что жизнь, должно быть, порядкомъ изломала эту энергическую натуру. Онъ былъ въ Герцеговинѣ во время Герцеговинскаго возстанія.

Черняевъ сказалъ ему: „Устраивайте, что хотите, но людей своихъ я вамъ уступать не могу“.

Кузьминскій все время говорилъ о своемъ летучемъ отрядѣ, такъ что всѣ начали ему вѣрить. „Я все продалъ“, сказалъ онъ, „и у меня теперь есть деньги“. Пока летучій отрядъ былъ еще въ туманѣ, онъ попросилъ позволеніе устроить ночную экспедицію. Охотниковъ было достаточно, въ томъ числѣ Хлудовъ, Максимовъ. Ночью осѣдлали лошадей и проѣхали къ правому флангу нашей арміи. Нашъ предводитель пустился на удачу, безъ проводника. Одному О. С. было очень страшно, и онъ постоянно кричалъ другимъ: „ш. ш. тутъ турки“. (У него впоследствии достало храбрости убить наповаль серба изъ

револьвера. Черняевъ тогда былъ въ отчаяніи отъ такого безобразія). Но вмѣсто турокъ передъ нами предстали заспанные, безпечные сербы, разложившіе огонь противъ всѣхъ правилъ военной науки. Турки могли бить ихъ по выбору, но и тѣ тоже избрали благую часть и не поручали ночи того, что можно дѣлать днемъ.

Кузьминскій долго шумѣлъ на сербовъ за то, что они развели огонь, и требовалъ къ себѣ начальника. Пришла еще какая-то заспанная фигура, но ничего не могла объяснить. Они также не знали, гдѣ находится турецкій секретъ. „Что же мы будемъ дѣлать?“ „Ничего“, отвѣчалъ Кузьминскій: „эти дураки ничего не знаютъ, надо осмотрѣться“. Хлудовъ нахмурился и просилъ одного серба подвинуться и дать ему мѣсто возлѣ огня.

Стали говорить въ лагерѣ, что мостъ черезъ Мораву цѣлъ и невредимъ. Кузьминскій опять пригласилъ охотниковъ осмотрѣть мостъ. Вѣхали мы берегомъ Моравы и разговаривали. Кузьминскій все говорилъ намъ „тише, тише“. Миѣ было смѣшно, потому что я былъ увѣренъ въ томъ, что противоположный берегъ въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ намъ. На наше счастье, кто-то идетъ развалистою лѣнливою походкою. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ Кузьминскій. „Турки?“ (показываетъ на противоположный берегъ). „Нема Турци“, отвѣчаетъ намъ сербъ.

Когда стемнѣло, Кузьминскій съ компанією вернулся въ Делиградъ. Хлудову, графу Коновницыну и другимъ захотѣлось доѣхать до моста. Подѣхали мы къ самому руслу рѣки и увидѣли сербовъ, сидящихъ въ ямахъ. Командиръ отпустилъ съ нами серба, который не побоялся довести насъ до моста. Правда, онъ заставилъ насъ пробираться ползкомъ. Хлудову, благодаря его тучности, это было не повутру, и онъ остался немного позади. Дошли туда благополучно, слышали кашель турецкаго часового и голоса турокъ; но на обратномъ пути Коновницынь поднялся съ грохотомъ, зацѣпился за какую-то вѣтку, она хрустнула, среди глубокой тишины, и раздался одинокій выстрѣлъ. „Сумасшедшій“, ругался Хлудовъ „съ вами только бѣды наживешь; ну пошла бы пальба по всей линіи. Кому достанется отъ Черняева?“

Мы цѣлый день не ѣли. Подѣзжая къ механѣ, мы спросили, нѣтъ ли чего? „Нѣтъ хлѣба, а есть рыба“. Оказались сардинки. Хлудовъ съѣлъ цѣлую коробку.

Мы захватили весь запасъ, бывшій у торговца, и повезли въ Делиградъ.

Хлудовъ сообщилъ Черняеву на другой день о томъ, что мостъ черезъ Мораву поправленъ турками. Черняевъ сказалъ на это: „Пускай они выстроятъ мраморный мостъ: я больше не хочу жертвовать людьми на это дѣло“.

Кузьминскій видимо досадовалъ, что онъ вернулся слишкомъ рано. Я увидѣлъ, какъ онъ долго бесѣдовалъ съ Комаровымъ и потомъ, сіяющій отъ радости, вошелъ въ баракъ, гдѣ была общая чайная. „Господа, мнѣ поручили произвести рекогносцировку. Кто поѣдетъ со мною“? „Я, я“, закричали нѣсколько голосовъ, и шумная ватага вскорѣ была въ сборѣ.

Мы пріѣхали на Дьюнишъ къ Петерсону. Дорога туда была восхитительна. Петерсонъ прочелъ бумагу, которую передалъ ему Кузьминскій. „Хорошо“, сказалъ онъ, „вы войдете въ эту деревню; я вамъ дамъ баталіонъ пѣхоты. Если у васъ завяжется атака съ черкесами, то вы сами справитесь; а если выйдетъ пѣхота турецкая, то мы поддержимъ васъ своими пушками“.

Петерсонъ познакомилъ насъ съ Милордовымъ. Этотъ молодой человекъ велъ себя истиннымъ героемъ; онъ былъ представленъ къ кресту. Онъ оставилъ на родинѣ старушку-мать. Она такъ радовалась, что онъ остался цѣлъ и невредимъ послѣ сраженія. Подали вина, и Петерсонъ обѣщалъ угостить насъ поросенкомъ; но поросенокъ все не являлся (къ счастью для насъ). Наконецъ его разорвали на куски, и Петерсонъ разными изгибами проѣхалъ съ нами, отдавая вездѣ приказанія на счетъ шанцевъ, фашинниковъ и т. д. Нѣкоторые были и этимъ довольны. Солнце уже стояло на закатѣ. Кузьминскій, Петерсонъ вдругъ свернули направо и приказали намъ ѣхать своею дорогою. Раздался выстрѣлъ, громкій, протяжный. Вотъ и другой. Всѣ переглянулись; это изъ нашихъ орудій. Кто же приказалъ стрѣлять? Но вотъ и наши отвѣчаютъ. Что-то очень часто, а мы молчимъ. На опушкѣ показалась смущенная и растерянная фигура Петерсона. Оно что-то приказывалъ Милордову, крикнулъ ему, и Милордовъ исчезъ изъ виду. Должно быть, лошадиный инстинктъ выше человѣческаго: моя лошадь (она принадлежала прежде герою Гольштейну) никакъ не хотѣла подвинуться впередъ и все пятилась. Жужжаніе лопнувшей гранаты, и лошадь откидывается въ сторону, такъ что я едва усидѣлъ на сѣдлѣ. Поднялся такой концертъ. Турки за двѣ гранаты отсчитывали намъ 700 выстрѣловъ. Когда стем-

нѣло, адская музыка прекратилась. Убитыми оказались Милордовъ и нѣсколько сербовъ.

Выстроивъ насъ въ рядъ, Кузьминскій повелъ насъ на деревню Любичи. Осторожно пробиралпсь мы по виноградникамъ и пришли въ оставленную деревню. „Есть черкесы тутъ“? спросилъ серба солдата. „Има, Има“. Послали его посмотреть, гдѣ они. Но черкесовъ и баши-бузуковъ не оказалось, и мы должны были вернуться домой. Кузьминскій велѣлъ забрать сѣно, которое онъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ. На что ему понадобилось сѣно, я и теперь понять не могу. Я попробовалъ высказать свое мнѣніе, но онъ напомнилъ мнѣ о дисциплинѣ, и я замолчалъ.

Когда мы вернулись въ кофейню, тамъ ожидалъ Кузьминскаго и всѣхъ участниковъ непріятный репримандъ (совершенно справедливый) со стороны одного офицера на позиціи. Онъ обратился къ Кузьминскому и сказалъ: „Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Я донесу объ васъ Черняеву. Если вамъ нужно было сѣно, то мы вамъ прислали бы цѣлый скирдъ, а то теперь изъ-за пустяковъ (ничего не увидѣли и не разузнали) мы лишились хорошаго товарища, нѣсколькихъ сербовъ, и работы наши попорчены, такъ что придется долго поправлять ихъ“. Кузьминскій возражалъ съ запальчивостью. Съ невеселыми мыслями возвращались мы домой.

Черняевъ ничего не зналъ о рекогносцировкѣ. Когда турки стали угощать Дьюнишъ своими выстрѣлами, то со стороны Бобовиште слышна была тоже пальба. Черняевъ думалъ, что турки хотятъ прорваться въ Бобовиште, и поскакалъ со штабомъ туда. Но тамъ разъяснилось все, и Черняевъ вснылилъ ужасно. „Подъ конвоемъ привести ихъ всѣхъ въ Делиградъ“, — сказалъ онъ. „Кузьминскаго на другой день выселить изъ лагеря“. Черняевъ былъ правъ, потому что, будь наши невняные два выстрѣла сдѣланы раньше, то все могло разыгратъ въ генеральное сраженіе. Черняевъ же послѣ 16-го сентября не рѣшался на генеральное сраженіе. Онъ хотѣлъ съ честью дотянуть до перемирія. За ужиномъ ему сообщили о смерти Милордова, и у него показались слезы на глазахъ. Кузьминскій вѣрно получилъ порядочный нагоняй. Свѣдѣніе о смерти Милордова пришло одновременно съ извѣстіемъ о томъ, что и меня убили. „Ну, долго будете жить“, утѣшали меня потомъ.

На слѣдующій день Кузьминскій уже сбрался въ обратный путь. Онъ бранилъ Черняева, говорилъ, что у него нѣтъ прежней отваги: вотъ онъ плачетъ о какомъ-то молодомъ че-

ловѣкъ? За обѣдомъ Черняевъ всталъ и возвѣстилъ всѣмъ, что Комаровъ по семейнымъ обстоятельствамъ покидаетъ лагерь. При прощаніи Комаровъ сказалъ: „Иногда одинъ пушечный выстрѣлъ рѣшаетъ судьбу челоѣка“. Его провожали, произнесли спичи, братались съ сербами и, наконецъ, посадили въ коляску. „Счастливыи путь. Le roi est mort, vive le roi. вмѣсто Комарова былъ назначенъ Дохтуровъ.

Грядущія событія бросили передъ собою мрачную тѣнь. Въ лагерьѣ стали ловить шпионовъ. Въ печкѣ, отопливающей комнату Черняева, найдены были бомбы. Прислуга, втаскивая къ нему дрова, замѣтила ихъ присутствіе. Хлудовъ устроилъ себѣ землянку; ее покрыли соломой. Онъ уже приготовился переходить туда, и пламя быстро охватило Хлудовскій баракъ, занялась столовая, гдѣ были всѣ наши вещи. Пламя, несмотря на всѣ усилія потушить его, точно играло этимъ деревяннымъ баракомъ. Уже было темно, и Делиградъ пользовался блпстательнымъ освѣщеніемъ. Въ столовой были снаряды, торпеды, динамитъ Ермолинскаго и Шпаковскаго. Показался дымокъ, и страшный взрывъ раздался въ воздухѣ. Всѣ растерялись. Кто думалъ спасти свои пожитки, кто командовалъ, кто совѣтовался. Сербы какъ-то безучастно расталкивали бревна. Русскіе кричали до хрипоты. Хаосъ полнѣйшій воцарился въ лагерьѣ. Фантастическимъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарялось все окружающее. Точно бѣснующіеся бросались люди въ пожарнице и выходили оттуда съ разорванными, обгорѣлыми платьями. Все было возбуждено донельзя.

Въ то время глухой гулъ сталъ раздаваться издалека со стороны Бобовиште. Точно раскаты грома казались намъ эти выстрѣлы. Сдѣлали бы турки тогда нападеніе серьезное, они бы овладѣли безъ труда Делиградомъ. Этотъ вопросъ назойливо работалъ въ каждой головѣ.

Черняевъ быстро шагаль по комнатѣ. Безпокойство было видно на его лицѣ. Онъ послалъ освѣдомиться въ Бобовиште, не прорываются ли тамъ турки. Многіе поспѣшили исполнить его желаніе. Делиградъ пылалъ. О чемъ думали турки въ это время? Предчувствіе грядущей опасности, чего-то неумолимаго, фатальнаго, надвигающагося на всѣхъ насъ, на всю сербскую армію, тревожило многихъ изъ насъ, несмотря на то, что перемиріе, какъ говорили, было дѣломъ уже рѣшеннымъ.

Пожаръ кончился къ утру за недостаткомъ матеріала. Уцѣлѣлъ одинъ домъ главнокомандующаго, и онъ одинъ сиротливо выглядывалъ изъ этихъ тлѣющихъ обломковъ, обгорѣлыхъ.

бревень, среди громаднаго пожарища. Дохтурову Черняевъ поручилъ отправиться въ Тимокскую армію. Тамъ предполагалось взять Зайчаръ у Османъ-паши (сдѣлавшагося потомъ знаменитымъ въ русско-турецкую войну). Дохтурова должны были сопровождать ординарцы Черняева князь Гика и Солсбери. Послѣдній сказалъ мнѣ: I want to see a good fighting. Всѣ были убѣждены, что въ Делиградѣ все кончено.

Гдѣ опасность, тамъ Хлудовъ былъ на-лицо. Передъ отъѣздомъ въ Луково у меня былъ разговоръ съ Черняевымъ, и онъ далъ мнѣ порученіе въ Бухарестъ. „Здѣсь ничего не будетъ, если хотите, повѣжайте въ Зайчаръ. Я туда посылаю войско; мнѣ сообщили, что можно легко взять Зайчаръ“. Какого труда стоило Хлудову и мнѣ добыть колу, трудно себѣ представить. На каждой станціи насъ ожидали остановки. Безчувствіе сербовъ выводило меня изъ терпѣнія. Теперь относишься хладнокровнѣе къ этому и невольно спрашиваешь себя: къ чему мы всѣ русскіе съ какой-то стремительностью бросились туда, гдѣ раздаются выстрѣлы? Жаждали ли мы непременно турецкой крови? Между нами было много самыхъ добродушныхъ, мягкосердечныхъ людей, которымъ убійство турка не принесло бы даже удовольствія. Хотѣлось подвергнуться опасности? Нѣтъ, не это чувство вдохновляло многихъ. Выстоять подъ выстрѣлами, исполнить передъ русскимъ и сербскимъ народомъ, передъ всѣмъ славянствомъ какую-то невѣдомую для многихъ, высокую задачу самопожертвованія, отрѣшиться отъ житейскихъ дрызгъ, забыть свое мелкое я и на время отдаться служенію великой идеѣ свободы и человѣчества: вотъ что бессознательно бродило въ тайникахъ нашей души. Я говорю: бессознательно бродило. Не всѣ сознавали, за что они пошли въ Сербію. Одинъ изящный, богатый офицеръ и не думалъ ѣхать въ Сербію. Вся жизнь для него была поприщемъ радости и наслажденія. Онъ сознавался потомъ, что вся эта сербская исторія—ужасная глупость. Онъ возвращался съ пирушки въ Павловскѣ, послѣ музыки; какое-то грустное чувство овладѣло имъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ него и на другой день. Все казалось ему безсодержательно, мелко, пусто кругомъ. „Поѣду въ Сербію“, рѣшилъ онъ и поѣхалъ. А такихъ было много, и они дѣлали свое дѣло. Когда проходила опасность, они тогда роптали, бранили сербовъ; но вернуться назадъ, не побывавъ въ серьезной опасности, они не рѣшались. Психологія, какъ наука, еще не существуетъ; она не дошла до точности математики или астрономіи. Понять сложный механизмъ человѣче-

ской души доступно только великимъ художникамъ. Но кто пойметъ всѣ изгибы, всѣ извилины, темныя и свѣтлыя стороны народной души? Въ Сербіи, правда, было много такихъ личностей, которыя обозлились на жизнь, вынесли изъ нея однѣ только неудачи; но были тамъ много сильныхъ натуръ, не нашедшихъ себѣ дѣла дома. Тутъ были продукты нашего умственного развитія за послѣднія 15 лѣтъ. Базаровы, Рудины, Рахметовы и проч. назначали себѣ свиданіе въ Сербіи. Всѣ эти личности искали въ великой задачѣ освобожденія славянства простора своимъ мыслямъ, своимъ стремленіямъ, искали хорошаго дѣла и борьбы въ смыслѣ „погибающихъ за великое дѣло любви“.

А сербы, какъ отнеслись они къ нашимъ? Сербы не знали русскаго общества, не знали назрѣвшихъ въ Россіи вопросовъ, не знали стремленій русской молодежи. Для нихъ впечатлительность русскаго образованнаго человѣка, требовательность его были новостью. Братья пришли и стали все мѣрять на свой аршинъ. Братьямъ нужно скорѣе поспѣть къ Черняеву, имъ ничего не стоитъ загнать лошадь для такой цѣли. Что такое лошадь для русскаго? А для серба-поселянина это все. На этомъ виждется все благосостояніе его семьи, а онъ любитъ свою семью больше всего. Другіе придутъ и возьмутъ колу, припасы, все во имя одной высшей цѣли. Сербъ видитъ одно разореніе впереди, а у иныхъ вырывается жесткое выраженіе: „Лучше турки, чѣмъ русскіе“. Солдаты наши, сами вышедшіе изъ крестьянской среды, понимали всю важность для серба его худобы. „Ему и самому ѣсть нечего“, скажетъ онъ и успокоится, когда ему скажутъ: „Пане, Бога ми нема“. Помнится мнѣ, разъ я потревожилъ одного серба отъ глубокаго сна, и просилъ его накормить меня. Онъ вспылилъ (онъ цѣлый день и цѣлую ночь былъ на ногахъ) и сказалъ: „Лучше турци“. Но я понялъ, что онъ это сказалъ подъ вліяніемъ быстро возникшей досады и сталъ говорить ему спокойно: что будетъ съ вами, если турки дойдутъ до Бѣлграда. Увидѣвъ, что я не кричу на него, сербъ сталъ внимательно слушать меня и потомъ безъ моей просьбы принесъ больше, чѣмъ я просилъ. Такихъ впечатлительныхъ людей, которые первое неосторожное слово, сказанное съ досады сербомъ, перенесли въ газеты, было много, и въ русскомъ обществѣ утвердилась мысль, что сербы насъ не любятъ. Я въ началѣ своихъ записокъ сказалъ: кто можетъ сказать, что думаетъ цѣлый народъ? На каждый случай недоброжелательства сербовъ къ намъ можно привести два,

три случая, доказывающихъ противоположное. Меня удивило, напр., что содержатель одной механы отказалъ одному раненому сербу въ рогожѣ и сказалъ, что она ему нужна. Въ другой разъ я увидѣлъ одну женщину, просилъ ее принести чего-то раненому и прибавилъ: то сербъ, а не руссъ. Женщина отвѣчала мнѣ: „что сербъ онъ или русскій, для нея все равно, всѣ братья“ и принесла очень охотно то, что отъ нея требовали. Слышалъ я, наприм., и такой отзывъ изъ устъ серба: „Что имъ жрать что ли нѣтъ дома, что они всѣ пришли сюда“? Какой случай! для великолѣпной тирады противъ неразвитости сербскаго народа и т. д.

Поѣхалъ я въ колѣ съ незнакомымъ мнѣ коморджіемъ. Было темно. Онъ просилъ обождать, но мнѣ не хотѣлось. Мы сбились съ дороги. Темь такая, что возницу не видишь передъ собою. Грязь невылазная. Долго ли тутъ-до бѣды? Бѣда была близка. Кола опрокинулась въ какой-то оврагъ. Я вышелъ съ грѣхомъ пополамъ, шлепая по грязи, пошелъ дальше, оставивъ на произволъ судьбы свои вещи, и наткнулся на другую колу. „Можно къ вамъ“? спросилъ я неизвѣстнаго мнѣ хозяина этой колы. „Молимъ васъ“, послышался мнѣ отвѣтъ. Я промокъ въ грязи, и мнѣ хотѣлось удобнѣе сѣсть и отдохнуть. Мнѣ было не до политическихъ разговоровъ въ эту минуту, а моему спутнику какъ разъ хотѣлось высказаться. „Спасибо вамъ, русскимъ: безъ васъ турки давно были бы въ Бѣлградѣ“. И эти слова и это спасибо слышалъ я не одинъ разъ. Когда мы доѣхали до мѣстечка, то всѣ сербы стали спрашивать меня, не хочу ли я ѣсть? Я сталъ заказывать одно кушанье за другимъ. Принесли вина, пригласили музыку, и когда я захотѣлъ заплатить содержателю механы, то онъ отказался и сказалъ, что все уже заплачено: „Много вы переносите изъ-за насъ“, говорили сербы, „руссъ все напередѣ, а сербы бѣгутъ“. Бранили Бѣлградское правительство, не разъ мнѣ случалось видѣть эту готовность услужить, быть приятнымъ брату-руссу. Я только могъ убѣдиться изъ опыта, что крикомъ и бранью съ серба ничего не возьмешь: тогда онъ упрется, какъ волъ, и повторяетъ свое нема. Заговорите вы съ нимъ ласково, окажите ему уваженіе, и онъ уступитъ вамъ свою постель, свое кушанье и готовъ все сдѣлать для васъ. Сербъ привыкъ къ свободѣ и къ человѣческому обращенію, и наше башибузучество только озлобляетъ его.

Въ Смедеревѣ я напрасно просилъ о чемъ то прислугу. Она отмалчивалась, дулась на бушующихъ и кричавшихъ русскихъ.

Къ моему счастью, я увидѣлъ одного серба изъ образованныхъ и обратился къ нему: „Прошу васъ сказать ему то и то“. Тотъ вразумилъ прислугу гостиницы, цѣлый день не отходилъ отъ меня и повелъ меня ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Во всѣхъ домахъ насъ угощали: гдѣ подавали сладкое, гдѣ старое вино, гдѣ вкусное кушанье. И вездѣ раздавалась хвала русскому народу. Но и этотъ сербъ, когда я вызвалъ его на объясненіе, сказалъ мнѣ: „Вотъ эти буяны много вредятъ общему дѣлу. Народъ смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и спрашиваетъ: неужели всѣ русскіе такіе? Мы очень хорошо знаемъ, что эти господа исключеніе не только въ Россіи, но и среди добровольцевъ. Когда мы видимъ русскаго, который не бранится, не дерется, мы готовы все сдѣлать для него, мы радуемся ему, какъ брату“. Надо сказать, что если между нами происходили недоразумѣнія, то это просто объясняется несходствомъ характеровъ. Сербъ такъ же мягокъ, такъ же спокоенъ, какъ наши хохлы—а русскіе пришли и все требуютъ. Слышалъ я также пренепріятныя вещи про Бѣлградскихъ жителей: „Да, они затѣяли войну, а сами небось не хотятъ идти сражаться—всѣ въ коморджіяхъ и т. д., а нашъ братъ подставляй голову.“

Былъ я и на сербскомъ пароходѣ „Делиградъ“. Бѣжали тамъ русскіе. Капитанъ усѣлся со своими знакомыми въ одной изъ комнатъ. Вдругъ раздался голосъ одного изъ добровольцевъ: „Дайте сѣсть русскимъ; они свое дѣлаютъ, а не бѣгутъ, какъ сербы“. Капитанъ (хозяинъ на пароходѣ) молча вышелъ, и за нимъ послѣдовали его знакомые.

Многое приписывалось сербамъ только по незнанію сербской жизни. Больше всего всегда доставалось содержателю механы, и когда онъ не угодитъ, то доставалось сербскому народу. Извѣстно, что содержатели по большей части не сербы, также какъ и лавочники въ Бѣлградѣ.

Французская поговорка говоритъ: *tout comprendre c'est tout pardonner*. Но это разумѣніе всего, знаніе Сербіи, было почти недоступно обыкновенному добровольцу. Изъ какихъ книгъ онъ могъ познакомиться съ сербскимъ народомъ? Не Каница же давать ему, когда иной и не знаетъ по-нѣмецки. Есть сочиненія Гильфердинга, Ровинскаго, Ламанскаго, но они или недоступны по своей цѣнѣ, или разбросаны по разнымъ журналамъ. Никто не потрудился дать хорошую книгу въ путь-дорогу русскому добровольцу. Человѣку, слѣдящему за журнальной литературой, не трудно отыскать то, что ему нужно; но надо признаться, что популярныхъ книгъ по славянству у

насъ почти нѣтъ. Если въ нашей литературѣ имѣется трудъ Попова о Сербіи, то у насъ нѣтъ такой общедоступной книги, какъ Тайланды. Только книга въ такомъ родѣ, составленная непременно русскимъ (потому что этнографическая сторона всегда страдаетъ у иностранцевъ, описывающихъ славянскіе народы), розданная даромъ, просвѣтила бы русскаго добровольца, желавшаго принести свою жизнь въ жертву сербскому дѣлу.

Мнѣ остается еще сказать о сербахъ и русскихъ въ штабѣ Черняева. Каждая народность держалась въ сторонѣ отъ другой. Сходились они за столомъ. Сербы и русскіе обыкновенно объяснялись другъ съ другомъ по-нѣмецки. Русскіе негодовали на сербовъ, что они такъ хорошо знаютъ нѣмецкій языкъ. Сербы говорили смѣясь, что никогда имъ не приходилось такъ много говорить по-нѣмецки. „Мы правда въ большинствѣ случаевъ знаемъ нѣмецкій языкъ, а русскіе и между собой говорятъ по-французски“. Русскихъ надо по справедливости считать водворителями, распространителями французскаго языка на Востокъ. Глядя на русскихъ офицеровъ, молдоване и валахи стали въ 1829 году считать признакомъ хорошаго тона знаніе французскаго языка. Шахъ Персидскій сказалъ о французскомъ языкѣ: „если такой могущественный народъ, какъ русскій, говоритъ больше по-французски, чѣмъ по-русски, то и намъ Богъ велѣлъ изучать не русскій, а французскій языкъ“.

Теперь вернемся къ нашей повѣздкѣ въ Зайчаръ.

Григорій де-Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

